

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Бисенова А.Ж.^{a,*}, Родионов А.Н.^b

^a Назарбаев Университет, Проспект Кабанбай Батыра, 53, Астана, 010000, Республика Казахстан

^b Университет Максута Нарикпаева, Шоссе Коргалжын, 8, Астана, 010000, Республика Казахстан

E-mail: abissenova@nu.edu.kz (Бисенова А.Ж.); adilrodion@gmail.com (Родионов А.Н.)

ИЗ МАГНИТОГОРСКА В УФУ: СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ, КЛАСС И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

На примере нескольких жизненных историй информантов среднего и старшего возраста из города Магнитогорска рассматривается трансформация среднего класса из индустриального в постиндустриальный с точки зрения занятости, ценностей и стратегий социальной мобильности. На момент нашего исследования несколько наших информантов уже переехали, переезжали или готовились к переезду из Магнитогорска в Уфу, и истории их переезда стали отправной точкой наших штудий с целью выяснить, как у людей на Урале формируется представление о достойной жизни, о приемлемой или неприемлемой городской и рабочей среде, как они принимают решение о переезде, взвешивая плюсы и минусы, и как подготавливают почву для переезда и обустройства на новом месте. Результаты исследования показывают наличие сильной региональной идентичности среди наших информантов, которая проявляется в их желании избежать радикального разрыва и потерь как в плане наработанных социальных связей, так и в плане личных исторических связей с местом, которое они считают малой родиной. Мы наблюдаем, как люди ищут и переизобретают себя в новой жизни на новом месте, используя навыки и привычки, которые они уже в той или иной степени имели до переезда.

Ключевые слова: социальная мобильность, средний класс, уральская идентичность, проблемы моногорода, постиндустриальность, региональная миграция.

Ссылка на публикацию: Бисенова А.Ж., Родионов А.Н. Из Магнитогорска в Уфу: социальная мобильность, класс и региональная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 211–223. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-18>

Посвящается Алексею Маметьеву — «последнему нагайбаку», мастеру вагоноремонтного цеха ММК, идеальному семьянину

Введение

Данная работа находится на пересечении исследований среднего класса, проблематики бывших/нынешних индустриальных городов, внутренней миграции и региональной идентичности. Опираясь на материалы биографических интервью, мы рассматриваем, как люди сами понимают и объясняют свою классовую идентичность и миграционную активность, как она вплетается в их представления о своих возможностях, их понимание успеха, видения прошлого и будущего. Мы задаемся вопросом, почему состоявшийся, успешно устроивший свою жизнь в рамках крупного индустриального моногорода человек с достаточно высокой зарплатой не связывает с ним свое будущее? В этой статье мы не представляем миграцию как способ выживания и не утверждаем, что мигрируют только те, кто не может устроить свою жизнь на данном месте. Скорее ситуация обратная — мигрируют с большей вероятностью те, кто располагает для этого определенными ресурсами в виде экономического, культурного или социального капитала. При этом остается открытым вопрос о том, как принимается решение о миграции, какие факторы и обстоятельства обуславливают это решение, как осуществляется, реализуется оно на практике.

В последнее время появилось много работ, посвященных изучению региональной идентичности [Бугров, 2018; Иванов, 2014], малым моногородам [Morris, 2016; Вандышев и др., 2019], они не встраиваются в контекст исследований миграции, представляя собой скорее «статичные» зарисовки провинциальной жизни российской глубинки. Наше исследование, представляя истории переезда из Магнитогорска в Уфу, раскрывает значение пространственной и социальной мобильности в рамках одного (Уральского) региона. Более того, предыдущие исследования не только «замыкались» на одном регионе, но фиксировали внимание на одной социальной

---

* Corresponding author.

группе. Например, С. Ушакин концентрируется на фрустрированной интеллигенции Барнаула, которая считает, что переход к капитализму привел к утрате ценностей и распаду коллективной идентичности [Oushakine, 2009], Моррис рассказывает о жизненных стратегиях представителей рабочего класса и членов их семей в моногороде Калужской области [Morris, 2016]. Мы, в свою очередь, изучаем классовые переходы из крестьян в рабочие, из рабочих — в технократию, «советский» средний класс, из советского среднего класса — в новый несоветский «гибкий» средний класс, не привязанный к какому-то производству или постоянному месту работы.

В настоящей работе мы стремимся объединить три направления исследований, редко используемых вместе: изучение (1) региональной идентичности, (2) социальной структуры и классовой мобильности и (3) миграции. Благодаря этому мы сможем понять, как люди балансируют между стремлением к социальной мобильности и расширением возможностей с желанием сохранить уже имеющийся статус, культурный капитал и наработанные связи, рассматривая при этом региональную миграцию как оптимальную ситуацию, позволяющую достичь этого (хрупкого) баланса. Цель нашего исследования — проследить трансформацию среднего класса индустриального типа в постиндустриальный тип через выделение таких основных признаков, как модификация занятости, ценностей и стратегий социальной мобильности, потребность (и возможность) в изменении ситуации через внутреннюю миграцию при сохранении связей с «малой родиной».

Методика исследования

Поставленным задачам лучше всего соответствует качественный этнографический подход в рамках лонгитюдного проекта. Так, в период с 2015 по 2023 г. один из авторов данного исследования десять раз выезжал в Магнитогорск и Уфу для проведения полевых работ, в ходе которых были изучены жизненные истории 13 человек. Было проведено анкетирование участников исследования, взяты неоднократные интервью с ними, много времени было уделено неформальному общению. Первых пять участников исследования мы нашли через личные связи, остальные были привлечены к исследованию методом «снежного кома». Большинство наших информантов связаны между собой дружбой и родством. По сути, они составляют некоторое сообщество. Десять участников во время исследования были в возрасте от 30 до 45 лет, трое — старше 60 лет. Наши информанты в большинстве своем уроженцы Магнитогорска, а также это уроженцы Нагайбакского и Варненского районов Челябинской области.

Проводя глубинные биографические интервью, мы акцентировали внимание на вопросах, связанных с планированием семьи и карьеры, саморазвитием через накопление культурного и социального капитала, а также улучшением материального благосостояния. В связи с ответами наш фокус частично сместился на миграцию. Тема возможного переезда присутствовала в ответах на вопросы изначальной анкеты и в интервью участников исследования. Если в начале исследования большинство наших собеседников еще жили в Магнитогорске, то к началу 2020 г. большинство из них переехали в Уфу. Также в ходе биографических интервью оказалось, что для значительной части наших информантов актуальными были именно вопросы региональной идентичности, сопряженные с семейной историей. Поэтому в ходе дальнейшего исследования мы попробовали связать между собой вопросы классовой мобильности, региональной идентичности, семейной истории и установки на миграцию.

Теоретическая рамка

Феномен индустриального наследия советского периода и проблематика бывших/нынешних индустриальных городов (моногородов) привлекают все больше внимания как российских антропологов и социологов [Ечевская, 2014, 2015], так и зарубежных исследователей [Morris, 2015, 2016]. Коллапс Советского Союза и последовавшая за ним масштабная трансформация системы производств плановой экономики изменила устоявшийся за десятилетия образ жизни. В послевоенный и позднесоветский периоды миграция была частью процесса урбанизации и перемещения населения, связанного с советским проектом освоения пространств, в частности, происходило активное заселение Севера, Сибири и Дальнего Востока. Центрами притяжения также стали наиболее развитые регионы в европейской части страны, предоставляющие возможности для работы и комфортные условия жизни. Урал, самый «восточный» европейский регион, в советский период активно отдававший население, стал одним из умеренных центров притяжения [Зайончковская, 2000]. Согласно статистике, социально-экономические индикаторы в этом регионе смещались от моногородов (в 1990-е) к региональным (областным/республиканским) центрам (см., напр.: [Зубаревич, 2010, с. 87–88]). Перераспределение финансовых

потоков способствовало миграции, и рост региональных/республиканских центров происходил во многом за счет малых городов и сельской местности (так, из Бугульмы ехали в Казань или Самару, из Стерлитамака — в Уфу, из Магнитогорска — в Уфу или Екатеринбург и т.д.).

Связанная с развалом СССР трансформация привела к широкомасштабным изменениям социальной структуры и переформатированию границ среднего класса. В советское время четкими критериями среднего класса были материальные и потребительские возможности (позднесоветская «формула успеха» — «квартира, дача и машина»). В постсоветский период социальная структура и границы между классами стали более размытыми. Американский социолог Т. Вуд [Wood, 2012] отмечает многочисленные попытки «подсчитать» постсоветский российский средний класс на основе различных критериев: 1) доход и материальное благосостояние, 2) образование и профессиональный статус, 3) субъективная самоидентификация. Однако разнообразие критериев оценки дает значительный разброс. В этой связи мы придерживаемся позиции А. Парецкой [Paretskaya, 2012], отмечающей, что средний класс определяется не столько формальными показателями, такими как профессиональная принадлежность, доход, общее благосостояние или образование, сколько ценностями и образом жизни. Опираясь на антропологические исследования [Fernandes, 2006; Jones, 2017; Kanna, 2011; Li, 2007; Liechty, 2003], представляющие класс как культурно-ценностную категорию, мы предлагаем исследовать региональный средний класс в традиции изучения антропологами «незападного» среднего класса, понимая последний как социокультурную группу, которая не только стремится к глобальным стандартам и культуре потребления, но также пытается найти собственное место в местном контексте.

Исследования региональной идентичности — важный теоретический ресурс для понимания местного контекста. В этом направлении мы прежде всего ориентируемся на работы А. Анисимовой и О. Ечевской по изучению сибирской идентичности [2012, 2021]. Так же как для сибиряка, для наших информантов уральская идентичность является биографическим проектом и основана не только на понимании и осмыслении территории и ее границ, но и на способе взаимодействия с территорией. Согласно Э. Уайт [White, 2004], рост региональной идентичности в российской глубинке во многом пришелся на первое десятилетие после распада Советского Союза и был своеобразным ответом на экономические потрясения и растущую дистанцию по отношению к Москве. Также это отчасти обусловлено политическими процессами (ослаблением центра и кратковременным усилением федерализма). Именно в этот период происходит реставрация и (пере)открытие истории ряда регионов. Усиление региональной идентичности вступает в противоречие с эффектом «укорачивания памяти» — характерной особенностью советского конструирования истории индустриальных городов, основанной на нарративе о создании (моно)города «на пустом месте» [Веселкова и др., 2017].

Таким образом, в данной работе мы связываем исследования моногородов и среднего класса с региональной идентичностью и мобильностью. Как пишут А. Анисимова и О. Ечевская, региональная идентичность — это культурный феномен, который «отражает взаимодействие глобальных тенденций и локальных откликов на них» [2012, с. 13], и именно средний класс как социальная группа, стремящаяся стать полноправным членом глобального мира и оставаясь при этом локально укорененной, в большей степени является актором, на собственном опыте проживающим это взаимодействие.

История Магнитогорска как история региона и история семьи

Современный Магнитогорск, второй по численности населения город Челябинской области — чуть менее полмиллиона жителей,— появился как результат сталинской индустриализации. Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) был создан в первую пятилетку как ключевой проект по развитию черной металлургии в рамках советского индустриального прорыва. Становление ММК и строительство города можно представить как процесс «выдавливания деревни в город» [Kotkin, 1995, с. 73]. С. Коткин отмечает, что на месте Магнитогорска была казачья станица Магнитная. Однако он не вдается в историю, а лишь упоминает о ее существовании [Там же, с. 1]. На наш взгляд, имеет смысл углубиться в историю до начала масштабного советского проекта и понять, какие группы и люди скрыты за названиями «крестьяне» и «спецпереселенцы», используемыми Коткиным.

Магнитная была одним из укреплений уйской и уральской линий, которые шли до Троицка и Верхнеуральска. На начало Первой мировой войны в станице Магнитная проживало около 5 тыс. человек [Гринимеер, 2013]. Ее заселяли казаки, которые были особым сословием со своими обязанностями (нести службу в основном на пограничных территориях) и правами (вла-

деть земель и носить оружие). Также там проживали башкиры, казахи, татары. Куда делись все эти люди? Нет исследований, показывающих, что случилось с этими людьми и их образом жизни. Среди наших информантов удивительно всплывают потомки людей, населявших досоветский Урал,— русских крестьян, нагайбаков, татар и казахов.

Пятеро из наших информантов происходят из Нагайбакского района, прилегающего к Магнитогорску с востока. Покойный Алексей Маметьев, для которого региональная нагайбакская идентичность была очень важна, во время исследования стал нашим главным проводником как в историю Магнитогорска, так и в историю Нагайбакского района. А. Маметьев был троюродным братом и тезкой другого известного Алексея Маметьева, основавшего в 1985 г. в родном селе Фершампенуаз этнографический музей и сыгравшего ключевую роль в признании нагайбаков отдельным коренным малым народом в начале 1990-х [Головнев, Белоруссова, 2018]. Поэтому история происхождения и становления нагайбакского народа важна для понимания воображаемой региональной идентичности наших информантов.

Нагайбаки «при исходной полиэтничности сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и этнической (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп» [Там же, с. 79]. Одним из самых исторически памятных событий для них являлся европейский поход 1812 г., после которого многие аулы-станции были названы европейскими именами в честь ратных подвигов: Париж, Фершампенуаз, Кассель, Лейпциг. Для приезжих это становится основанием для шуток и мемов в интернете, как что-то несуразное и неуместное, а для жителей является источником памяти и гордости за славных предков. Часто их идентичность связывалась с татарами и/или кряшенами, таким образом запутывалось и затмевалось их славное военное прошлое и привязанность к территории Челябинской области, которая стала их вотчиной за службу. После смерти основателя музея родная сестра «нашего» Алексея Маметьева приняла шефство над музеем [Музей с. Фершампенуаз...]. Все родственники были вовлечены в изучение и представление нагайбакской идентичности.

К сожалению, нагайбакская идентичность и самобытность нагайбаков как одного из тюркских народов России находится на грани исчезновения. Как сказал А. Маметьев (который при жизни пожелал остаться в статье под собственным именем): «Я — последний нагайбак», имея в виду, что он один из последних представителей своего народа, говорящий на татарском и знающий обычаи и традиции. Дети звали Алексея переехать в Уфу, на что он долго не соглашался, объясняя это тем, что должен помогать своей расширенной семье, а именно родным сестрам, живущим в Фершампенуазе. В конце концов Алексей с женой Галиной согласились переехать, продали дачу и квартиру в Магнитогорске и купили дом в новом коттеджном городке в Кармаскалинском районе в пригороде Уфы. Летом 2023 г. Алексей умер, не дожив год до 70-летия, его похоронили на родовом кладбище в селе Фершампенуаз.

Таким образом, Магнитогорск представляет собой классический пример советского индустриального города, для которого среди прочего характерно особое идеологическое наполнение, акцентирующее внимание на создании города на «пустом месте», что создает дефицит истории. От подобного дефицита истории страдают многие города Урала [Веселкова и др., 2017]. Одновременно с этим мы видим, что региональная история в рассказах наших информантов намного глубже, чем история города. В их нарративе город не был построен на пустом месте, советская стройка осуществлялась во многом благодаря усилиям жителей региона, за счет переселения людей из близлежащих сел в город, именно эта тенденция заселения Магнитогорска оставалась одним из главных трендов на протяжении всего советского периода.

Наши информанты зачастую были жителями города во втором или даже первом поколении. Наблюдения показывают, что некоторые крестьянские привычки остались близки для многих из них. Это — бережное, хозяйское отношение к собственности, трудолюбие, любовь к земле, работа в «садах», которой сегодня занимаются рабочие, технократы и интеллигенция. Также «крестьянские» умения сейчас проявляются в хобби, которые люди себе выбирают: работа по дереву, строительство беседок, пасека и производство меда. При этом подобные занятия постепенно становятся характеристикой среднего класса. Натуральное сельское хозяйство, связанное когда-то с необходимостью кормить семью и выживать, в XXI в. превратилось скорее в продуктивные досуговые хобби [Clarke et al., 2000].

Как уже было отмечено ранее, процесс «поглощения» городом окрестных деревень, выступивших ключевыми источниками человеческого капитала, что дали жизнь Магнитогорску, продолжался на протяжении всего советского периода. В 1970–1980-е жизнь в Магнитогорске была

значительно лучше, чем жизнь в деревнях. Это включало не только комфортабельные условия городского проживания, но и разнообразную культурную жизнь, доступ к образовательным учреждениям. Например, Алексей и Галина Маметьевы приехали в Магнитогорск из деревень. Переезд в город был главным этапом при реализации стратегии восходящей мобильности. Они с ностальгией и гордостью вспоминают, как самостоятельно приехали в город после школы, учились, жили сначала в общежитии, затем занимали одну комнату в двухкомнатной коммунальной квартире, наконец, получили собственную двухкомнатную квартиру, в которой прожили больше 35 лет. Галина всю жизнь проработала учителем музыки в детском доме. Алексей в течение большей части своей карьеры был мастером на ММК. В 1980-х они достигли уровня благосостояния типичного советского среднего класса. Они имели стабильную заработную плату, «квартиру, дачу и машину». Как подтверждает пример Алексея и Галины Маметьевых, в советский период переезд в город обычно выглядел привлекательно и ассоциировался с восходящей социальной мобильностью. В то же время переезд не всегда проходил гладко, особенно для семей с традиционным укладом, например татарских мусульманских семей из Варненского района Челябинской области. Есть несколько историй, рассказанных информантом старшего поколения о себе и родственниках, которые также переехали в город в конце 1950-х. Однако судьба не у всех сложилась счастливо, мужья спились, дети не смогли благополучно устроить жизнь.

Девальвация индустриальной мобильности и индустриальное «приданое»

Первоначально создается впечатление, что наши информанты испытывают гордость за героическое и индустриальное прошлое, довольны работой и жизнью в городе. Они с гордостью рассказывают известные факты о вкладе Магнитогорска в победу, говорят о цеховой структуре и солидарности на комбинате в советское время, демонстрируют изделия собственного производства в быту. Однако позже выясняется противоречивое отношение к ММК, как к предприятию, загрязняющему окружающую среду, структурирующему город по своему образу и подобию и создающему новые дисциплинирующие практики.

Досмотры на проходных, осмотры личных вещей и проверки на трезвость представляют собой мутирующие советские практики, которые в свое время не вызывали активного отторжения, поскольку проводились зачастую формально. «Мутация» заключается именно в отходе от формализма и новой жесткости данных практик. Как отметила Юлия, эти практики создают «тюремную» атмосферу и не добавляют любви к работе. Особенно явно недовольство проявляется в свете тех обстоятельств, что любое нарушение дисциплины ведет к потере рабочего места. Жесткая индустриальная дисциплина — далеко не основной повод для недовольства, более серьезным является отсутствие выбора. Большинство рабочих мест в городе создается комбинатом и его дочерними предприятиями. Чтобы состояться, человек должен «посвятить» свою жизнь ММК. Даже если ты занимаешься наукой, как наш информант Андрей, твои исследования должны быть связаны с производством и полезны в первую очередь градообразующему предприятию. Результаты нашего исследования показывают, что далеко не все готовы объединить свою судьбу с комбинатом.

К тому же, как сказал один наш собеседник, «места наверху ограничены и малодоступны большинству», важную роль в достижении этих позиций играют связи, в том числе родственные. В этом плане интересно, что индустриальное производство, риторически выстроенное по канонам вебериянской бюрократии и, казалось бы, порвавшее с традиционалистскими формами управления, на самом деле, по крайней мере как отмечают исследователи трудовых отношений на постсоветском пространстве (напр.: [Kesküla, 2018]), использует ровно те же методы, что и последние. Многие исследователи отмечают, что династичность и сильные семейные связи являются факторами воспроизводства идентичности рабочего класса. С одной стороны, это создает чувство сплоченности и защищенности [Morris, 2016], но, с другой стороны, одновременно это формирует ощущение «неотвратимости и неизбежности повторения судьбы своих близких» [Вандышев и др., 2019, с. 177]. Особенно драматически эта «неотвратимость и неизбежность» проявляется в ситуации, когда сам человек не стремится к повторению «индустриальной судьбы». Одна из наших информантов, Юлия, с детства мечтала быть ветеринаром, работать с животными, но родители непустили ее в ветеринарный институт в Троицке (маленький город в Челябинской области), потому что в их понимании Троицк не был местом, «куда едут учиться», да и ситуация в 1990-е была неспокойной для такой мобильности. Юлии пришлось учиться в Магнитогорском государственном техническом университете (бывший металлургический институт), затем сразу идти работать в лабораторию на дочернее предприятие ММК.

Несмотря на то что работа на ММК относительно хорошо оплачивается, по многим другим показателям она не удовлетворяет представителей постсоветского поколения. Такая работа, как они считают, забирает инициативу и сужает горизонт возможностей. Как отмечает социальный философ Е. Трубина [2017], сама история формирования моногородов как составляющей советского индустриального проекта развивала у рабочих «выученную беспомощность» и зависимость от предприятия во многих аспектах жизни. Не соглашаясь на такую зависимость и однообразность жизни, некоторые наши информанты ищут себя в других сферах и хобби, даже если они не могут порвать с ММК. Показателен пример Юлии, которая совмещала работу на дочернем предприятии ММК с дополнительным бизнесом и хобби — шоу пузырей, с которым ее приглашали на различные праздники и мероприятия не только в Магнитогорске. Благодаря этому хобби, которое постепенно превратилось в бизнес, она выступала в разных городах в Челябинской области и в соседних Башкортостане и Казахстане.

Еще одна серьезная причина недовольства ММК связана со здоровьем и экологией. Как сказал один из наших информантов, Сергей, живущий уже шесть лет в Уфе, «люди [на ММК] жгут тело». Другой наш респондент, Игорь, работал специалистом по охране труда и напрямую сталкивался с производственными травмами. Комбинат косвенно признает неблагоприятное воздействие производства на здоровье, предоставляя «оздоровительные» (ежегодную денежную компенсацию сотрудникам комбината). Будучи собственником многих оздоровительных учреждений, например в Энзере (Республика Башкортостан) и Ессентуках (Ставропольский край), ММК предоставляет своим работникам путевки и оплачивает две трети стоимости лечения в этих санаториях. Так, в феврале 2019 г. Юлия и Игорь ездили в санаторий в Энзере. Отметим также, что комбинат полностью оплатил сложную операцию Игорю. В целом, комбинат предоставляет бонусы по страхованию здоровья и оздоровительному лечению, тем самым признавая, что работа на комбинате негативно отражается на здоровье.

Рис. 1. Индустриальный ландшафт Магнитогорска.
Fig. 1. Magnitogorsk's industrial landscape.

За пределами предприятия явно ощущается недовольство горожан по поводу экологической ситуации, однако в последнее время комбинат предпринимает усилия для ее исправления, создавая новые парки. Отъезжая от города на запад в сторону Башкортостана или на восток в сторону Нагайбакского района, ощущаешь, что исчезает смог и воздух становится чище. Дым из труб ММК, поднимающийся над городом (рис. 1), резко контрастирует и с нативным пейзажем Уральских гор, начинающимся на границе с Башкортостаном по дороге в Уфу, и пасторальным пейзажем лесостепи на востоке.

Как закалялся средний класс

Наши информанты позиционируют себя как людей с отличной от обычного рабочего класса мотивацией. В первую очередь это связано с желанием иметь выбор между различными возможностями, в том числе в управлении собственной жизнью, планировании ее независимо от влияния градообразующего предприятия. Как было отмечено ранее, особенности организации индустриаль-

ного производства формировали у рабочих «вынужденную беспомощность» [Трубина, 2017]. Представители нового среднего класса пытаются прежде всего расстаться с этим чувством.

Таким образом, одним из маркеров среднего класса является противопоставление себя индустриальному рабочему классу, который перекладывает планирование, риски, ответственность за собственные жизни на внешнего агента (в лице предприятия, государства и т.д.). Наши же информанты позиционируют себя как люди, которые все планируют и у которых есть стратегическое мышление. Например, в разговоре о планировании семьи и карьеры Сергей (около 45 лет, женат, высшее образование, индивидуальный предприниматель в Уфе, сейчас имеет трех детей) так описывал свое положение как представителя среднего класса.

Исследователь: Получается, для среднего класса жизнь постоянная борьба?

Респондент: Средний класс заточен на цель... нет, я не тревожусь... я уверен в завтрашнем дне, моя стратегия дает результаты и положительные решения определенных вопросов. Я с 19 лет начал планировать... так как я не хотел быть ниже среднего класса, а выше, я понимаю, что не буду никогда, потому что у меня нет определенных рычагов, живя в этом городе... Мои жизненные планы дают результаты, и я в очередной раз утверждаюсь, что я правильно делаю...

Именно так, принимая больше ответственности и самостоятельности, представители нового среднего класса приходят к выводу о необходимости переезда. Переезд осуществляется не спонтанно, он долго выверяется и просчитывается. Одновременно с этим, несмотря на долгую подготовку, сам факт переезда практически всегда воспринимается окружающими как неожиданность, поскольку переезд подготавливается в условиях максимальной конспирации.

Например, один из наших информантов, Игорь, продолжая работать на метизном заводе — дочернем предприятии ММК, в течение последних пяти лет активно искал работу по специальности (специалист по охране труда на производстве) в других крупных городах (Екатеринбург, Уфа). Он работал на комбинате более 15 лет, и никому не рассказывал о поисках работы, поскольку это могли расценить как нелояльность. Таким образом, увольнение или переезд чаще всего является неожиданностью для окружающих и руководства. Например, одна из заведующих лабораторией на метизном заводе, проработавшая на предприятии более 20 лет, вдруг уволилась и переехала в Краснодар. Юлия и другие наши информанты отмечали, что Краснодар является одним из важнейших мест для переезда магнитогорцев.

Притягательность Уфы как регионального центра

Одним из ключевых моментов при переезде является выбор нового места жительства. Это всегда большой вопрос, поскольку потенциально есть несколько разных опций. Помимо столицы, которая всегда является сильнейшей точкой притяжения, существует множество других вариантов. Среди этих вариантов наиболее приемлемыми локациями являются развитые города-миллионники, представляющие в классификации Н. Зубаревич [2011] «первую Россию», например, такие как Екатеринбург, Уфа, Казань или «юг», как климатически благоприятное место проживания. Из 13 респондентов, которых мы рекрутировали для исследования в 2015 г., семеро переехали в Уфу, и затем одна из них вернулась обратно. Еще один планировал переезд в Краснодар, но не переехал.

Как Уфа попадает в горизонт возможностей? Башкортостан присутствует пространственно в повседневной жизни магнитогорцев. Прежде всего, играет роль пограничное расположение Магнитогорска по отношению к Республике. Многие жители Магнитогорска тем или иным образом связаны с Башкортостаном (например, некоторые информанты родились и выросли в ближайших от Магнитогорска селах и городах, находящихся на территории Башкортостана). Большая часть санаторно-курортной инфраструктуры ММК выходит за пределы Челябинской области на территорию соседей. Многие информанты упоминают, что они периодически выезжают в Уфу «погулять» («Деньги есть — гуляй Уфа, денег нет — сиди Чесма», — говорится в местной русско-татарской поговорке), а в Башкортостан — «отдохнуть на природе». Таким образом, регион и Уфа, как его столица, притягивают магнитогорцев и культурным разнообразием, и чистой экологией в сравнении с Челябинской областью.

Как пишет Е. Трубина, перед постсоветскими индустриальными городами стоит задача «постиндустриального переизобретения» [2013]. В этом плане у Уфы есть огромное преимущество, связанное с культурным и историческим капиталом, который регион активно развивает в том числе посредством туристических программ. Как столица республиканского уровня, Уфа имеет множество национальных культурных центров и театров. Например, наш информант Айгуль, этническая казашка, работавшая учительницей, переехала в Уфу, потому что, как она объяснила, «Маг-

нитогорск — промышленный город без перспектив, там плохая экология, нет мест, куда можно сходить». В Уфе Айгуль посещала групповые программы спортзала и тренинги «личностного роста». Несмотря на то что она не владела татарским языком, ей нравилось ходить в татарский театр «Нур», который она считала театром высокого уровня, особенно комедийные постановки.

Экономика выступает другим важным аспектом, который делает Уфу привлекательной точкой достижения. Хотя средняя заработная плата в Магнитогорске выше, чем в целом по Челябинской области, Башкортостане, и выше, чем в Уфе [Федеральная служба..., 2019], металлургический моногород потенциально больше подвержен кризисам. Металлургические предприятия России постепенно утрачивают «конкурентоспособность на глобальном рынке из-за роста издержек на рабочую силу и сырье» [Зубаревич, 2010, с. 91]. Магнитогорцы, с которыми мы говорили, тоже понимают уязвимость собственного города в долгосрочной перспективе.

В глазах магнитогорцев Уфа — экологически чистый город. Однако по объему промышленности Уфа традиционно находится в числе наиболее развитых промышленных центров (напр.: [Каштанов, 2023]). В городе располагаются крупные нефтеперерабатывающие заводы. В целом, экологическую ситуацию трудно считать идеальной, но, по мнению наших респондентов, по сравнению с Магнитогорском и Челябинском она значительно лучше. Они отмечают большое количество парков и зеленых зон, куда можно выезжать на отдых и гулять с детьми — «в Уфе все для людей». Конечно, возможно, существует разрыв между реальным состоянием экологии Уфы и тем, как она представляется жителям Магнитогорска, но для нашего исследования важны именно субъективные представления об Уфе как о зеленом городе, как об историческом центре региона и месте с высоким качеством жизни. В воображении большинства наших информантов Уфа — хорошо знакомое и безопасное место, куда можно переехать. Расстояние между Уфой и Магнитогорском составляет около 350 километров (рис. 2), дорога пролегает через живописный Уральский хребет. Переехав в Уфу, некоторые из наших информантов продолжают приезжать в Магнитогорск и дальше, в Нагайбакский район, к родственникам на праздники и каникулы и поддерживать связи с друзьями и знакомыми.

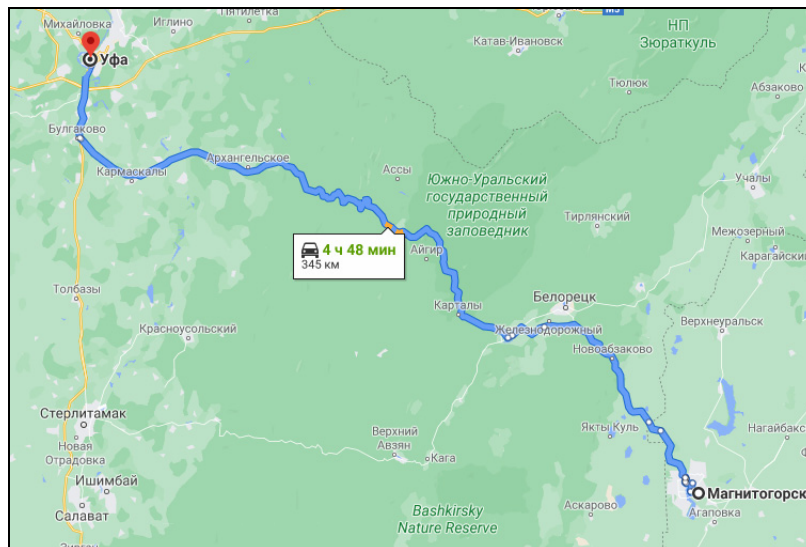

Рис. 2. Расстояние между Уфой и Магнитогорском.
Fig. 2. The distance between Ufa and Magnitogorsk.

Переезд из Магнитогорска в Уфу как стратегия среднего класса

Большинство наших информантов, переехавших в Уфу, долго планировали переезд и подходили к нему основательно. Так, они «не делали ставку» на определенный город, а, прежде чем принять решение, активно искали возможности трудоустройства, подавали заявки на рабочие места в нескольких городах. Поскольку большая часть респондентов — семейные пары, стремящиеся улучшить свою жизненную ситуацию, для них важно было не начинать все заново, а развить и улучшить собственные карьерные возможности, образовательные перспективы детей.

При этом переезжающие старались максимально эффективно использовать инфраструктурные возможности своего места работы на тот момент, чтобы минимизировать трудности при

переезде. Конечно, для этого работа должна была располагать подобными ресурсами, что далеко не всегда имеет место. Например, проще осуществить переезд, будучи сотрудником компании с широкой сетью офисов по всей стране. Широкая сеть офисов и представительств не только облегчает мобильность, но, более того, располагает сотрудника к ней. Именно это демонстрирует история нашего информанта Сергея.

В 2016 г. у Сергея появилась возможность переехать в Уфу по работе. Организация, в которой он работал, перевела его в столицу Башкортостана, предоставив жилье на первые два месяца. Затем ему пришлось снимать на собственные средства квартиру. Сергей работал, а его жена Елена была вынуждена сидеть дома с детьми (работы не было). Однако уже через два года, более-менее разобравшись с жизнью в Уфе и ситуацией на рынке недвижимости, они купили трехкомнатную квартиру в двухквартирном таунхаусе в пригороде Уфы. Покупка квартиры в таунхаусе, с одной стороны, была продиктована экономическими соображениями (такое жилье дешевле, чем аналогичное в многоэтажке в городе), но с другой стороны, Елена и Сергей смогли найти себя в новом образе жизни. Как говорит Сергей, этот образ жизни ближе к природе, спокойней и «на земле». В этом случае мы также видим своеобразное возвращение к «крестьянским корням»: Сергей и Елена посадили морковь, картошку, пересадили смородину с родительской дачи в Магнитогорске, поставили баню. Интересно отметить, что после переезда Сергей и Елена перешли на гибкий график, фактически став представителями несоветского и неиндустриального среднего класса. Сергей ушел из сети «Магнит», где он работал в отделе кадров, и открыл свой бизнес-консалтинг по защитному вождению, сейчас он работает агентом по недвижимости. Елена в Уфе тоже устроилась по своей специальности — маркетингу. Она договорилась о свободном графике и стала вести маркетинг сначала для двух, а потом уже и трех уфимских ресторанов.

Пример Сергея и Елены еще более вдохновил на переезд Игоря и Юлию, которые пошли другим путем: сначала приобрели недвижимость, а потом уже начали искать работу. Процесс приобретения недвижимости занял два года. В отличие от оказавших им значительную информационную поддержку их родственников Сергея и Елены, они купили двухкомнатную квартиру в пригороде Уфы в доме, построенном по новым технологиям с автономным газовым отоплением. Таким образом, не имея инфраструктурных ресурсов на месте работы, Игорь и Юлия восполняли их родственными связями, что заметно облегчило переезд. Игорь нашел работу по специальности — безопасность труда, а Юлия стала работать дистанционно в сфере логистики.

В свою очередь, ММК понимает необходимость удержания квалифицированных кадров и на производстве, и в городе; комбинат борется против их оттока. В этом плане показателен случай нашего информанта Александра. Из разговора с ним можно понять, как выглядит технократическая индустриальная карьера. Александр родом из индустриальной семьи, его отец работал главным инженером на Заравшанском прииске в Узбекистане. После развала Советского Союза они переехали в Магнитогорск, откуда была родом его мать. На момент интервью Александр 12 лет работал на одном месте. После института он прошел путь от бригадира до мастера, заместителя начальника цеха. В какой-то момент Александр и его жена захотели в корне поменять свою жизнь. Купили квартиру в Краснодаре. Как выразился Александр, «там тепло, там солнце, там уровень жизни выше». Но с образованием Александра было сложно найти работу по специальности в регионе, где нет металлургической отрасли. Для покупки квартиры в Краснодаре они брали ипотеку, которую закрыли материнским сертификатом. Александр был готов переехать в Краснодар, не работать по специальности, а заниматься собственным делом. Однако в этот момент его повысили, предложив зарплату более 400 000 рублей.

В то же время нельзя сказать, что ММК приобретает лояльность работников исключительно деньгами. Комбинат формирует специфическую социально-техническую среду, укорененность, дает не только доступ к материальным благам, но также ощущение правильности выбора, задает определенные перспективы, наполняет профессиональную деятельность смыслом. Причем это распространяется и на непосредственных сотрудников комбината, и на тех, кто работает в соседних, связанных с деятельностью предприятия, отраслях. В этом плане интерес представляет случай молодого ученого, инженера Андрея. Будучи родом из Челябинской области (30 км от Магнитогорска), он с отличием окончил университет, вскоре стал кандидатом технических наук, специализируется на литейном деле. Основную работу и основные деньги Андрей получает по хозяйственным договорам и грантам от магнитогорского комбината. В этом процессе особую роль играет социальный капитал, например, Андрей очень уважает своего научного руководителя: «настоящая голова, на любой завод, прикрываясь его именем, можно зайти, с директором по душам поговорить, и, воз-

можно, нам дадут какую-нибудь работу на определенных условиях». По ходу интервью было видно, что Андрей получает большое удовольствие от научно-исследовательской деятельности, она кажется ему социально значимой и полезной.

Также важно отметить, что планирование жизни сотрудников, предрешенное и решенное за них будущее — все то, что тяготит амбициозных представителей нового среднего класса, после переезда перестает восприниматься однозначно негативно, по крайней мере частью из них. Алсу, переехавшая в Уфу еще в мае 2009 г., но затем вернувшаяся обратно, является одним из таких примеров. Сравнивая свою работу с работой на ММК в 2016 г., Алсу сказала, что ММК в отличие от других компаний выполняет все свои социальные обязательства перед работниками и не обманывает их. Будучи родом из Сибая, но прожив большую часть жизни в Магнитогорске, она воспринимала Уфу как более коррумпированную среду, где многие вопросы решаются через связи, где на хорошие должности ставят своих, а частные фирмы могут платить зарплаты в конвертах или даже «кинуть» своих сотрудников. Курьезным образом в нарративах магнитогорцев дискурс коррупции в Башкортостане тесно взаимосвязан с дискурсом порядка. С одной стороны, в Башкортостане «все схвачено», «езде ставят своих», с другой стороны, тем, кто приезжает из Челябинской области, Башкортостан представляется местом порядка, заботы о земле, природе и экологии. Сергей говорил, что лучшая ситуация в Башкортостане по сравнению с Челябинской областью связана с их «субъектностью» в федеративном устройстве, с тем, что у республики больше полномочий в самоуправлении, ведении бюджета.

Субурбанизация американского типа в Уфе

Интересно отметить, что в пригородах Уфы полным ходом идет субурбанизация американского типа, которая, на наш взгляд, является характеристикой нового образа жизни на Урале. По крайней мере, образ жизни семей, проживающих в Зубово, Шмидтово, Шамонино, Бурцево, которые мы наблюдали достаточно пристально и куда переехали наши информанты, напоминает жизнь американской субурбии. С одной стороны, можно сделать вывод, что люди уезжают жить за город, потому что там доступней недвижимость. Лучше купить по той же цене или даже дешевле трехкомнатную квартиру в таунхаусе в пригороде, чем трехкомнатную в многоэтажке в городе. С другой стороны, нередко сами уфимцы делают выбор в пользу жизни за городом. Например, имея недвижимость в городе, они переезжают в пригороды, потому что там спокойней, удобней, особенно если пригород расположен вдоль федеральных трасс, откуда легко и быстро можно доехать до центра города. В то же время доступность социальной инфраструктуры по сути не уступает городской. Отмечается хорошее качество школ, в которых родительские комитеты играют большую роль, существует подвоз детей в школы, родители сами помогают организовывать внеклассные кружки.

Стиль и образ жизни некоторых уфимских пригородов начинает походить на жизнь субурбии. Жители Шмидтово, Шамонино и Новых Киешек обычно хорошо знают друг друга. Люди активно самоорганизуются для обустройства собственной жизни, участвуют в инициативном бюджетировании. По приезде Лена и Сергей сразу оценили эту новую социальность и возможность участвовать в местной политике. Лена вошла в группу «Шамонинских мамочек» из соседнего поселения, которые устраивают еженедельные встречи на дому, участвуют в бюджетированию и финансовому планированию, проводят различные тренинги по детской психологии. После переезда в Шмидтово она прикладывала много усилий для установления дружбы с новыми соседями. Лена находила это времяпрепровождение очень полезным и развивающим. Встречи «Шамонинских мамочек» организуются стихийно на дому каждые выходные. «Шамонинские мамочки» занимаются как культурно-образовательной, так и благотворительной деятельностью. Например, они создали книжный клуб, собрали 500 тысяч рублей для строительства мечети в сельском округе. В целом, общественная активность «Шамонинских мамочек», родительских и других комитетов в сельском округе сильно напоминает жизнь американских домохозяйств в субурбиях, которые собираются в добровольные ассоциации по месту жительства и интересам и обычно активно участвуют в самоуправлении своих районов. Все эти новые понятия о жизни на земле, о соседстве, о вовлеченности в местную политику являются характеристиками нового среднего класса.

Заключение

Впервые упоминаемый в статье П. Богословского [1927] термин «горнозаводская цивилизация» со временем устоялся и получил распространение как характеризующий уникальность Уральского региона, который пережил несколько волн модернизации. Нам этот термин представляется полезным, но не исчерпывающим при описании сегодняшнего состояния Магнито-

горска и Уфы, поскольку Уфа являет собой результат освоения Урала в XVIII–XIX веках, а Магнитогорск — вероятно, наиболее известный пример сталинского индустриального проекта. Позиция Уфы отличается тем, что это столица этнонационального образования, республики, что, с одной стороны, создает в определенной степени конфликт идентичностей (горнозаводской vs коренной башкирской), с другой стороны, она может стать точкой переизобретения себя, в которой так нуждаются индустриальные центры России [Трубина, 2017]. По крайней мере, в деле переизобретения себя «культурномногообразные» субъекты, такие как Татарстан и Башкортостан, опережают другие субъекты региона, становясь точками притяжения для соседей.

Как отмечают авторы документального фильма «Хребет России» Леонид Парфенов и Алексей Иванов: «Урал все время что-то добывал, строил, производил, напрягался, рвал жилы и только в конце XX в. озадачился: есть ли жизнь на Урале». Именно жизнь «для себя» вне встроенности в какие-то государственные или коллективистские проекты и становится главным маркером описываемого нами среднего класса. Так, помимо переизобретения городов и субъектов Федерации на макроуровне имеет место переизобретение частной жизни жителей региона на микроуровне. В частности, исследование показывает, какую роль в переизобретении постиндустриального среднего класса играют прединдустриальные крестьянские привычки, понятия о хорошей жизни и семейные истории. Мы видим, как сложносплетенный клубок идентичностей тесно связывает информантов с регионом. Наблюдается то, что можно определить как преемственность и укорененность — желание людей избежать радикальных разрывов с предыдущей жизнью и биографией при продвижении по социальной лестнице.

В этом плане исследование проливает свет на феномен «повседневного патриотизма» в Уральском регионе и объясняет, как исторически сформировавшиеся привязанности к «родной земле» задают траектории, в том числе миграционных процессов. Мы видим, к примеру, как стремление повысить социальный статус, улучшить жизненные шансы и перспективы детей подталкивает наших информантов к миграции, в то время как нагайбакская идентичность, любовь к малой родине, оставляет их в пределах региона, где все знакомо, включая даже кусты смородины, которые везут пересаживать из Магнитогорска в Уфу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова А., Ечевская О.* Сибиряк: общность, национальность или «состояние души» // *Laboratum: Журнал социальных исследований*. 2012. № 4 (3). С. 11–41.
- Анисимова А., Ечевская О.* Сибирская идентичность; предпосылки формирования? Контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2021. 176с.
- Богословский П.* О постановке культурно-исторических изучений Урала // *Уральское краеведение*. 1927. № 1. С. 33–37.
- Буэров К.* Соцгорода большого Урала. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2018. 472 с.
- Вандышев М., Веселкова Н., Прямикова Е.* Малые и средние города Урала: Индустриальность как судьба // *Пути России: Сборник статей XXV Междунар. симп. М.: Издательское дело, 2019. С. 172–187.*
- Веселкова Н., Вандышев М., Прямикова Е.* Молодые города: Масштабы мест памяти // *Социологическое обозрение*. 2017. № 16 (3). С. 36–65.
- Головнев А., Белоруссова С.* О роли личности в этноистории: Алексей Маметьев и народостроительство Нагайбаков // *ЭО*. 2018. № 5. С. 78–94.
- Ечевская О.* «Жизнь после падения гигантов»: Нарративные идентичности жителей промышленного города // *ЭО*. 2014. № 3. С. 35–51.
- Ечевская О.* Жизненные истории и жизненные возможности: исследование социальных неравенств в оптике нарративной идентичности // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 13 (2). С. 195–210.
- Зайончковская Ж.* Миграция населения СССР и Россия в XX веке: Эволюция сквозь катаклизмы // *Проблемы прогнозирования*. М.: Наука/Интерпериодика, 2000. № 4. С. 3–15.
- Зубаревич Н.* Регионы России: Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики. 2010. 160 с.
- Иванов А.* Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. 290 с.
- Трубина Е.* Примиряясь с упадком: руины 2.0 // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 3 (89). С. 175–194.
- Трубина Е.* Незавершенное строительство несовершенного // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 2. С. 21–37.
- Clarke S., Varshavskaya E., Alashev S. and Karelina M.* The Myth of the Urban Peasant // *Work, Employment and Society*. 2000. № 14 (3). P. 481–499.
- Fernandes L.* India's New Middle Class: Democratic Politics in an Era of Economic Reform. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2006. 336 p.

- Jones C. *Bedouins to Bourgeois: Remaking Citizens for Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 274 p.
- Kanna A. *Dubai: The City as Corporation*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2011. 288p.
- Kesküla E. *Oasis in the steppe: health and masculinity of Kazakhstani miners // Central Asian Survey*. 2018. № 37 (4). P. 546–562.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. 728 p.
- Li T. *The Will to Improve: Governmentality, Development and the Practice of Politics*. Durham: Duke University Press, 2007. 392 p.
- Liechty M. *Suitably Modern: Making Middle-Class Culture in a New Consumer Society*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 312 p.
- Morris J. *Notes on the "Worthless Dowry" of Soviet Industrial Modernity: Making Working-Class Russia Habitable // Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2015. № 7 (3). P. 25–48.
- Morris J. *Everyday Post-Socialism: Working-Class Communities in the Russian Margins*. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 281 p.
- Oushakine S. *The Patriotism of Despair: Nation, War and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. 312 p.
- Paretskaya A. *A Middle Class without Capitalism? Socialist Ideology and Post-Collectivist Discourse in the Late-Soviet Era // Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Lanham, MD: Lexington Books. 2012. P. 43–66.
- White A. *Small-Town Russia: Postcommunist Livelihoods and Identities. A Portrait of the Intelligentsia in Aчит, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999–2000*. L.: Routledge. 2004. 296 p.
- Wood T. *Collapse as crucible: the re forging of Russian society // New Left Review*. 2012. № 74. P. 5–38.

ИСТОЧНИКИ

- Гринмаер В. «Бабушка» нашего города // *Магнитогорский металл*. 2013. 26 янв. URL: <http://magmetall.ru/contribution/13616.htm>.
- Зубаревич Н. Четыре России // *Ведомости*. 2011. 29 дек. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii.
- Каштанов К. Названы самые эффективные промышленные регионы России // *rg.ru*. 2023. 10 июля. URL: <https://rg.ru/2023/07/10/nazvany-samye-effektivnye-promyshlennye-regiony-rossii.html>.
- Музей с. Фершампенуаз им. А.М. Маметьева. URL: <https://www.culture.ru/institutes/12318/muzei-s-fershampenuaz-im-a-m-mameteva>.
- Федеральная служба государственной статистики. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации в 2019 году, рублей. 2019. 16 авг. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t2.xlsx.

Bissenova A.Zh.^{a,*}, Rodionov A.N.^b

^a Nazarbayev University, Kabanbay Batyr Avenue, 53, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan
^b Maqsut Narikbayev University, Korgalzhyn Highway, 8, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan
E-mail: abissenova@nu.edu.kz (Bissenova A.); adilrodion@gmail.com (Rodionov A.)

From Magnitogorsk to Ufa: social mobility, class and regional identity

Through the context of life stories of several middle-aged and older informants from Magnitogorsk, we explore the transformation of the middle class from industrial to post-industrial from the point of employment, values and social mobility strategies. At the time of our study, several of our informants either had relocated, were relocating, or were contemplating to move from Magnitogorsk to Ufa; their narrations on the re-settlement became the starting point in our research aims to find out how people in the Urals form an idea of a decent life, of what constitutes an acceptable or unacceptable working and living environment, how they make a decision to move, weighing the pros and cons, and how they prepare the grounds for moving and settling in a new place. The results of the study show the presence of a strong regional identity among our informants, which is manifested in their desire to avoid radical disconnection and loss, both in terms of established social ties and in terms of personal historical ties with the place they consider their small homeland. At their relocation, we observe how they search for their identity and reinvent themselves building a new life, using skills and habits that they already carried to some extent before moving.

Keywords: social mobility, middle class, Urals regional identity, problems of monotown, post-industrial age, regional migration.

REFERENCES

- Anisimova, A., Yechevskaya, O. (2021). *Siberian identity; preconditions for formation? Contexts of actualization*. Novosibirsk: NGU. (Rus.).
- Anisimova, A., Yechevskaya, O. (2012). Siberian: community, nationality or "state of soul". *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 4(3), 11–41. (Rus.).

---

* Corresponding author.

- Bogoslovskiy, P. (1927). On the establishment of cultural and historical studies of the Urals. *Ural'skoye krayevedeniye*, (1), 33–37. (Rus.).
- Bugrov, K. (2018). *Social city of the Great Urals*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Clarke, S., Varshavskaya, E., Alasheev, S., and Karelina, M. (2000). *The Myth of the Urban Peasant. Work, Employment & Society*, 14(3), 481–499.
- Fernandes, L. (2006). *India's New Middle Class: Democratic Politics in an Era of Economic Reform*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Golovnev, A., Belorussova, S. (2018). On the role of the individual in ethnohistory: Alexey Mametyev and the building of the Nagaybak nation. *Etnograficheskoye obozreniye*, (5), 78–94. (Rus.).
- Ivanov, A. (2014). *Mining plants civilization*. Moscow: AST. (Rus.).
- Jones, C. (2017). *Bedouins to Bourgeois: Remaking Citizens for Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kanna, A. (2011). *Dubai: The City as Corporation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kesküla, E. (2018). Oasis in the steppe: health and masculinity of Kazakhstani miners. *Central Asian Survey*, 37(4), 546–562.
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Li, T. (2007). *The Will to Improve: Governmentality, Development and the Practice of Politics*. Durham: Duke University Press.
- Liechty, M. (2003). *Suitably Modern: Making Middle-Class Culture in a New Consumer Society*. Princeton: Princeton University Press.
- Morris, J. (2015). Notes on the “Worthless Dowry” of Soviet Industrial Modernity: Making Working-Class Russia Habitable. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(3), 25–48.
- Morris, J. (2016). *Everyday Post-Socialism: Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan.
- Oushakine, S. (2009). *The Patriotism of Despair: Nation, War and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Paretskaya, A. (2012). *A Middle Class without Capitalism? Socialist Ideology and Post-Collectivist Discourse in the Late-Soviet Era*. In: *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Lanham, MD: Lexington Books, 43–66.
- Trubina, Ye. (2013). Coming to terms with decline: ruins 2.0 *Neprikosnovennyy zapas*, 3(89), 175–194. (Rus.).
- Trubina, Ye. (2017). Unfinished construction of the imperfect. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, (2), 21–37. (Rus.).
- Vandyshev, M., Veselkova, N., Pryamikova, Ye. (2019). Small and medium-sized cities of the Urals: Industrialism as destiny. In: *Puti Rossii: Sbornik statey XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow: Izdatel'skoye delo, 172–187. (Rus.).
- Veselkova, N., Vandyshev, M., Pryamikova, Ye. (2017). Young cities: The scale of places of memory. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 16(3), 36–65. (Rus.).
- White, A. (2004). *Small-Town Russia: Postcommunist Livelihoods and Identities. A Portrait of the Intelligentsia in Achit, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999–2000*. London: Routledge.
- Wood, T. (2012). Collapse as crucible: The reforging of Russian society. *New Left Review*, (74), 5–38.
- Yechevskaya, O. (2014). “Life after the fall of the giants”: Narrative identities of inhabitants of an industrial city. *Etnograficheskoye obozreniye*, (3), 35–51. (Rus.).
- Yechevskaya, O. (2015). Life stories and life possibilities: Exploring social inequalities through the lens of narrative identity. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 13(2), 195–210. (Rus.).
- Zayonchkovskaya, Zh. (2000). Migration of the population of the USSR and Russia in the 20th century: Evolution through cataclysms. *Problemy prognozirovaniya*, (4), 3–5. (Rus.).
- Zubarevich, N. (2010). *Regions of Russia: Inequality, crisis, modernization*. Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. (Rus.).

Бисенова А.Ж., <https://orcid.org/0000-0002-8889-7881>

Родионов А.Н., <https://orcid.org/0000-0002-9110-5259>

Сведения об авторах: Бисенова Алина Жумабаевна, PhD, доцент, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан. Родионов Адиль Николаевич, PhD, директор социологической программы, Университет Мақсута Нарикбаева, Астана, Казахстан.

About the authors: Bissenova, A.Zh., PhD, Associate Professor, Nazarbayev University, Astana, Republic of Kazakhstan. Rodionov, A.N., PhD, Director of the Sociology Program, Maqсут Narikbayev University, Astana, Republic of Kazakhstan.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 19.12.2024

Article is published: 15.03.2025